

деть, что-то знакомое... где я этого человека видел? Давай думать... Аты знают свое: съежись, свернулся, носы покраснели, — идешь — хоть бы что. Это! думаю так про себя: — не Петро ли? Ну, да — Петро: он и есть. Как же ты, милый человек, пожижаешь?

Петро и Денисов работали одно время вместе и с тѣхъ порь сошлись.

— Въ госпиталѣ лежаѣ.

— Знаю. Давно оттуда?

— Вчера... ?

— Работаешь?

— Ходишь къ Францу просите.

— Даѣ?

— Сказаѣ: навѣдайся.

— Жена?

— Жена — ничего. Вотъ, дитя...

— Что такое?

— Глотка сухла... Писала Марья въ лечебницу, — речеѣтъ прописали.

— Теперь домой?

— Кто?

— Ты...

— А тѣжъ куды.

— Пойдемъ въ трактиръ.

— Зачѣмъ?

— Пойдемъ! Писидимъ, поглядяешь.

— Жена ждѣтъ.

— Часокъ, не больше... Чай разошьмъ — и марши. Сѣдѣлъ милость, не артачился. Подаи, годъ не видѣлся... Пойдемъ.

Петро зналъ слабость приятеля и боялся, какъ бы тотъ не загулялъ. Но всѣе пошелъ.

По дорогѣ завязался разговоръ о ремесль. Много толковать не приходилось, — другъ друга понималъ съ полусловъ.

— Что это только будеть, — началъ Денисовъ.

— Никакой работы.

— По теперешнему времени... чѣмъ ремесленникомъ быть, лучше въ по-денисии.

— Куды лучше.

— Вышелъ на биржу, панился, день работалъ — на тебѣ твое, что сѣдѣу-етъ... А тутъ? Бѣй, бѣй, а больше красной въ недѣлю не вытишись. Красную! Это хорошо, когда есть работа, а когда ее пѣтъ? Сказаѣ, къ примѣру, я: магазину шью... Даѣ мѣсъ хозяинъ тридцать паръ брюкъ и говори: «Ни-ко-зай! Вотъ тебѣ тридцать паръ брюкъ и весь докладъ къ нимъ, и ты мѣсъ хѣдъ долженъ представить черезъ недѣлью, и когда представишь, и сѣдѣаешь какъ сѣдѣаешь, и работа понравится, полу-чишь тридцать пять рублей». Взялъ двухъ помощниковъ, четырехъ швеекъ, жену посади... Съ пяти утра до часу они сидѣли, работали, къ сроку пред-ставили. Туда-сюда, видѣтъ хозяинъ, работа хорошо сдѣланъ, грѣхъ сказать, а все-же три цѣловыхъ сорвали.

Чѣмъ мѣсъ осталось? Подмастерья, женщины, машина, уголь, свѣти, мате-риаль... Ни копѣйки не осталось. На-силу квартиры собрали.

IV.

Въ трактирѣ къ нимъ подѣлились зна-комые. У каждого была своя работа, свое горе. Лѣбда Нудель жаловалась на то, что хозяинъ, у которого она рабо-тала, обанкротился и не заплатилъ ей пять рублей. Головчукъ рассказывалъ о строготѣ у Феллика. Нухимъ Кацъ описывалъ продѣлки торговцевъ готов-ымъ платьемъ. Каждый спѣшилъ отвести душу въ дружескихъ изысканіяхъ.

Петро слушалъ ихъ разсѣданіе. Его мысли были далеки... Передъ глазами стояла холода, сирапъ, конуръ, ребено-къ въ корыѣ отъ бѣлы, прикры-тый жалкими лохмотками, жена... Мож-жетъ быть, Глаша помираетъ? Можетъ, номера?... Чѣмъ жѣ думалъ въ принад-кѣ тунца отчайной портной, — пускай помираетъ! Развѣ такая жизнь не хуже смири?

Это была совсѣмъ новая, неожи-данная мысль. До сихъ порь вопросъ о жизни и смерти никогда не приходилъ ему въ голову. Она вѣроѣ, женился, дожидалъ до сорока лѣтъ, но объ этомъ не думалъ и танцуя покорно свою лам-ку, какъ волъ свое армо. Упорный тру-дъ, дни и ночи за верстакомъ съ иглою въ рукахъ, безконечная нужда и забота о хѣбѣ убили изъ немъ всякую чувствительность. Онь одеревѣтель, опустился, одичалъ, превратился въ машину безъ воли и души. Ни про-шаго, ни будущаго для него не сущест-ствовало. Существовало одно сѣреѣ а-стоещее съ роковой заботой о кварти-рѣ, бazaarѣ и лавочкѣ. Петро зналъ, что перваго числа явится управляющій и ему надо вручить восемь рублей; Петро зналъ, что жена угромъ встанетъ, чтобы пойти на бazaarъ — и ей надо дать тридцать копѣекъ; Петро зналъ, что когда побѣгутъ въ лавочку за хѣбомъ, то надо дать семь копѣекъ. Надо! Тутъ никакихъ разсужденій быть не можетъ: надо! Сѣдовательно, надо работать... Вѣтъ, докторъ прописалъ лекарство, — надо достать денегъ. И онъ цѣльный день ходилъ по магазинамъ и мастерскимъ, прося работы.

И вдругъ, у него явилась мысль: да стоять житѣ, коли даже хѣбъ нѣтъ? Стаканъ чаю согрѣвѣ его, разогрѣвѣ тоску, примирилъ его съ судьбою. На худыхъ щекахъ съ печально только-что перенесенной болѣзни появился намѣкъ на кровь.

— Выпьемъ, чѣмъ-ли? предложилъ Денисовъ.

На столѣ появилась очищенная.

V.

На этотъ разъ Денисовъ держалъ се-бѣ мѣдѣдомъ — выпилъ всего иѣловъ-ромъ и обильнѣ, что пора домой. Петро пилъ рѣдко. Дѣвъ рюмки «простой», подогрѣтые чаемъ, совсѣмъ от-манили его. Когда онъ очутился на

улицѣ и на Петро нахнуло холодомъ, у него закружилась голова и въ глазахъ замѣтили огоньки. Онь невольно схва-тилъ руку Денисова.

— Подѣствовало? улыбнулся прѣ-тѣль. — Нашевать, — прѣдѣтъ.

Дѣствительно, головогруженіе быстро исчезло, остался только маленький подѣмъ духа. Петро ухарски сдвинулъ на затылокъ свой картузъ, замахнулъ руки и далъ волю языку. Обыкновенно молчаливый и пришибленный, портной заговорилъ съ такимъ воодушевленіемъ, что поставилъ втупикъ Денисова.

— Ишь ты, шельмъ, какъ преобра-зился! Нѣтъ, братъ, выпить — никогда не мѣшаетъ.

Жена смыкала, что должно быть Петро съ товарищами встрѣтился, и уложила его спать. Но въ ложѣ на соломенномъ тюфякѣ, на полу, почти совсѣмъ, Петро продолжалъ не-сти разный вздоръ, доказывая, что онъ вовсе не пьянъ, а если и выпилъ, такъ это сущѣ пустяки, потому что вѣ-щь плюетъ.

Еще не сѣтalo, когда поднялся Петро. Вѣтрашное происшествіе вспомнилось. Онь засѣвѣлъ огоражъ пун-го и подошелъ къ Глаши. Ребенокъ размѣтился въ колыбелькѣ, спалъ не спокойно и чуть съсно стонала. Петро прислушался къ хрюку: какъ будто легче. Онь подошелъ къ женѣ.

— Ну, что?

Та сѣдала ему знакъ, чтобы мол-чалъ, и глазами указала на склонку съ лекарствомъ.

— Достала у дворничихъ полтину. Когда разсѣвѣло и Глаши проснулась, Петро сообщилъ женѣ результатъ вспомнившей ходьбы.

— Даѣ ты-бы къ Францу.... сказа-ла жена.

— Часокъ, не больше... Чай разо-пѣмъ — и марши. Сѣдѣлъ милость, не артачился. Подаи, годъ не видѣлся... Пойдемъ.

Петро зналъ слабость приятеля и боялся, какъ бы тотъ не загулялъ. Но всѣе пошелъ.

По дорогѣ завязался разговоръ о ре-месль. Много толковать не приходилось, — другъ друга понималъ съ полусловъ.

— Что это только будеть, — началъ Денисовъ.

— Никакой работы.

— По теперешнему времени... чѣмъ ремесленникомъ быть, лучше въ по-денисии.

— Куды лучше.

— Вышелъ на биржу, панился, день работалъ — на тебѣ твое, что сѣдѣаешь какъ сѣдѣаешь, и работа понравится, полу-чишь тридцать пять рублей». Взялъ двухъ помощниковъ, четырехъ швеекъ, жену посади... Съ пяти утра до часу они сидѣли, работали, къ сроку пред-ставили. Туда-сюда, видѣтъ хозяинъ, работа хорошо сдѣланъ, грѣхъ сказать, а все-же три цѣловыхъ сорвали.

— Достала у дворничихъ полтину.

— Достала!

— У кого?

— Въ «Базарѣ»... Денисовъ выру-чила... Вотъ, жена, деньги.

— Матерь Божья!

Женщина утера набѣжавшую слезу и устремила на мужа взглядъ, полный без-конечной любви.

Есть работа — есть хѣбъ, а главное — есть помощь ребенку.

Десяти минутъ спустя, вѣй — лавоч-ница, и дворничихъ, и сестрѣ столяр, и проводчикъ отрубей за угломъ, и ку-черъ Семенъ — знали, что Петро полу-чила большой заказъ.

— Нѣтъ-ли чою покушать? спро-сила портной, когда первое волнение прошло.

— Сейчасъ, сейчасъ!

Жена присела щепотъ, угла, карто-феля, хѣба. Пока мужъ напычился съ Глаши, та разверла огонь въ пѣти, сварила картофель съ лукомъ и саломъ, приготовила чай, накрыла столъ.

Весело трещалъ огонь въ разведен-ной пѣти, бѣй — бѣй портной...

— Былъ!

— Что-нибудь-бы...

— Говори: самъ безъ работы.

Жена вздохнула.

— Понѣтъся еще въ «Базарѣ».

Денисовъ говорилъ, что туда много тво-ровъ идетъ.

— Достала у дворничихъ полтину.

— Достала!

— У кого?

— Въ «Базарѣ»... Денисовъ выру-чила... Вотъ, жена, деньги.

— Матерь Божья!

Женщина утера слезу и устремила на мужа взглядъ, полный без-конечной любви.

Есть работа — есть хѣбъ, а главное — есть помощь ребенку.

Десяти минутъ спустя, вѣй — лавоч-ница, и дворничихъ, и сестрѣ столяр, и проводчикъ отрубей за угломъ, и ку-черъ Семенъ — знали, что Петро полу-чила большой заказъ.

— Нѣтъ-ли чою покушать? спро-сила портной, когда первое волнение прошло.

— Сейчасъ, сейчасъ!

Жена присела щепотъ, угла, карто-феля, хѣба. Пока мужъ напычился съ Глаши, та разверла огонь въ пѣти, сварила картофель съ лукомъ и саломъ, приготовила чай, накрыла столъ.

Весело трещалъ огонь въ разведен-ной пѣти, бѣй — бѣй портной...

— Былъ!

— Что-нибудь-бы...

— Говори: самъ безъ работы.

Жена вздохнула.

— Понѣтъся еще въ «Базарѣ».

Денисовъ говорилъ, что туда много тво-ровъ идетъ.

— Достала у дворничихъ полтину.

— Достала!

— У кого?

— Въ «Базарѣ»... Денисовъ выру-чила... Вотъ, жена, деньги.

— Матерь Божья!

Женщина утера слезу и устремила на мужа взглядъ, полный без-конечной любви.

Есть работа — есть хѣбъ, а главное — есть помощь ребенку.

Десяти минутъ спустя, вѣй — лавоч-ница, и дворничихъ, и сестрѣ столяр, и проводчикъ отрубей за угломъ, и ку-черъ Семенъ — знали, что Петро полу-чила большой заказъ.

— Нѣтъ-ли чою покушать? спро-сила портной, когда первое волнение прошло.

— Сейчасъ, сейчасъ!

Жена присела щепотъ, угла, карто-феля, хѣба. Пока мужъ напычился съ Глаши, та разверла огонь въ пѣти, сварила картофель съ лукомъ и саломъ, приготовила чай, накрыла столъ.

Весело трещалъ огонь въ разведен-ной пѣти, бѣй — бѣй портной...

— Былъ!

— Что-нибудь-бы...

— Говори: самъ безъ работы.

Жена вздохнула.

— Понѣтъся еще въ «Базарѣ».

Денисовъ говорилъ, что т

